

ЗАБЫТЬ—НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ

Пытается забыть — не получается. Помнится, помнится, помнится... Тридцатый год. Зима. В семилетке каникулы. И он, Санька Черных, подался из Лименды домой. «Отдыхать? Да какой гам отдых! Тринадцать—четырнадцать лет есть? Значит, работай в своем колхозе «Новый путь», получай наряд-задание! Как-то послали парня и еще такого же школяра Аркашку Ширяева да взрослого—Алексея Петровича Мелентьева в Котлас. Зачем? «Приедете—скажут». Добрались до Жернакова, а там — стоп. Ждите команды. Ждали-ждали — надоело. Может, обратно уехать? Как бы не так: перекрыта дорога военными.

Стемнело уже, часов десять—одиннадцать, когда по рельсам простучал колесами товар-

няк. Пошипели два паровоза, попускали клубы дыма — и остановились. И тотчас же к вагонам заспешили красноармейцы с винтовками:

— Выходи, не задерживайся!

И стали, выскакивать: на землю полураздетые люди (легкая летняя одежонка на них), и как из полымя в воду — в снег, в мороз... Дети — в плач, бабы стонут, старики проклятиями сыпят. Быстро всех рассортировали: женщин да ребятшек по подводам. Мужиков (двигаться можете?) в колонны построили — и марш, марш, марш...

«Меня выбрали двое охранников, — рассказывает Александр Дмитриевич, — с шашками и наганями. Обзарились, наверное, на сани. Да что сан-

ки, если лошадь совсем обезножила, едва бегала. Так и ехали, не поспешая».

А куда спешить-то?

Медленно шли люди. Обреченно. Не зная, не ведая, куда, зачем, за что. Вот и Сольвычегодск миновали. В Заболотье привал сделали: ночь на дворе, нужен передых. Конвоиры шашки в сани (чего зря болтаться будут?) — и по дворам, народ размещать. «Я хотел выбросить эти сабли и домой сигануть, да одумался вовремя», — продолжает. А чуть забрезжило — подъем, в дорогу. Харитоново. И дальше, дальше в лесную глухомань. («Что за место — не знаю»). А там — поселение: бараки, землянки с двухъярусными нарами. «Разгрузились мои напарники — и по домам, а меня не

отпускают солдаты: обратно повезешь. Повез, куда денешься!». На рассвете показалось Заболотье. А навстречу — вот страх-то! — подводы, груженные трупами. Остановится кто-нибудь из наездников, подберет с пути мертвеца, бросит поперек саней, как чурку березовую, — и дальше. «Ох, и много же палых было,— уточняет рассказчик, — кто полностью раздет, у кого только верхняя одежда снята. Сколько же людей сгнуло на этом этапе от голода и холода! Когда мы ехали от Заболотья до Поздышева, от Поздышева до Сольвычегодскэ — по обе стороны санника мертвые, мертвые, мертвые...».

Не удержался семидесятишестилетний ветеран из деревни Хариковской Пачеозерского сельского Совета, рассказал. Пытался забыть — не выходит. Да разве забудешь такое?

Н. ВАЛЕРЬЕВ.